

УДК 94(55)
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2025.54.105>

Борьба великих держав в Иране в 1919–1921 гг.: от англо-иранского соглашения к советско-иранскому договору

Ю. А. Дёмин*

*Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия
Высшая школа экономики, г. Москва, Россия*

Аннотация. Исследуется политика великих держав в отношении Ирана в 1919–1921 гг. Анализируются попытки британской дипломатии реализовать соглашение 1919 г. и причины поддержки Москвой революционного проекта в Гиляне. Отмечается, что заключение договора с Тегераном и отказ от поддержки революционеров в Гиляне стали для Москвы сочетанием государственных интересов и новой революционной тактики.

Ключевые слова: Иран, Великобритания, Советская Россия, англо-персидское соглашение 1919 г., советско-иранский договор 1921 г.

Для цитирования: Дёмин Ю. А. Борьба великих держав в Иране в 1919–1921 гг.: от англо-иранского соглашения к советско-иранскому договору // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2025. Т. 54. С. 105–114. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2025.54.105>

Original article

The Great Power Struggle in Iran in 1919–1921: From the Anglo-Iranian Agreement to the Soviet-Iranian Treaty

Iu. A. Demin*

*Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation
Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation*

Abstract. The article examines the policy of the great powers towards Iran in 1919–21. The author analyzes the attempts of British diplomacy to implement the 1919 agreement and the reasons for Moscow's support of the revolutionary project in Gilan. It is noted that the conclusion of an agreement with Tehran and the refusal to support the revolutionaries in Gilan became for Moscow a combination of state interests and new revolutionary tactics.

Keywords: Iran, Great Britain, Soviet Russia, Anglo-Persian agreement of 1919, Soviet-Iranian treaty of 1921.

For citation: Demin Yu.A. The Great Power Struggle in Iran in 1919–1921: From the Anglo-Iranian Agreement to the Soviet-Iranian Treaty. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2025, vol. 54, pp. 105–114. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2025.54.105> (in Russian)

Период конца второго – начала третьего десятилетия был одним из наиболее тяжелых в истории Ирана XX в. Первая мировая война принесла в страну разруху, а крах Российской империи убрал противовес Великобритании. В такой ситуации заместитель руководителя, а с октября 1919 г. глава Форин-офиса Джордж Н. Керзон решил де-юре закрепить британское доминирование в Иране.

Англо-иранское соглашение, подписанное 9 августа 1919 г. правительством Восуг од-Доуле (Мирза Хасан-хан), предоставляло Тегерану заем в 2 млн фунтов стерлингов и открывало для британских советников доступ в различные государственные институты (британцев интересовали прежде всего финансы и армия). Соглашение должно было быть ратифицировано меджлисом, который еще предстояло избрать, однако правительство Восуг од-Доуле заранее призвало британских советников.

При этом планы Керзона стали очевидны еще до заключения соглашения. Так, узнав о желании Тегерана пригласить французских профессоров (предположительно 14), включая юристов, Керзон лично указал послу Франции Полю Камбону, что подобные действия могут привести к повторению (довоенной) конкуренции европейских держав в Иране¹.

Подписание соглашения вызвало волну недовольства в Иране. В рядах протестующих были как ремесленники, торговцы, улемы, так и представители знати и высших политических кругов. Дело в том, что в предшествующий период Тегеран пытался проводить политику привлечения в Иран третьей силы и/или балансирования между Лондоном и Санкт-Петербургом. Протесты были подавлены, однако это оказалось лишь временной победой правительства Восуг од-Доуле.

Соглашение оказалось неожиданностью и для союзников Лондона, имевших свои интересы в Иране. Французские дипломаты развернули в Иране активную пропаганду против соглашения, и позже британский посол Герман Норман отмечал вредоносность их действий². Еще более негативной для Лондона оказалась деятельность американских дипломатов. Госсекретарь США Роберт Лансинг в своей ноте (4 сентября 1919 г.) фактически противопоставил потенциальную поддержку США тем выгодам, которые Иран получал по соглашению, а американский посол Джон Л. Колдуэлл размножил и распространял копии ноты на тегеранском базаре и превратил посольство США, хотя и временно, в убежище для недовольных [8, р. 57–60]³.

Репрессии правительства не остановили недовольных представителей знати и политических кругов от попыток привлечь третью силу в Иран. Уже

¹ The National Archives (TNA). Foreign Office (FO). 1919. FO 416/65. P. 89.

² TNA. 1921. FO 416/68. P. 89.

³ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919. Vol. 2. Eds. J. V. Fuller, T. Dennett. Washington, 1934. P. 708.

в конце 1919 г. иранский посланник в Вашингтоне Мирза Абдул Али-хан пытался выведать реакцию США на возможные проблемы с ратификацией соглашения, а «видные» иранцы уверяли Колдуэлла, что оно не будет ратифицировано в случае принятия США на себя обязательств, аналогичных британским [10, р. 167]. Однако Вашингтон не торопился.

Крайне негативная реакция пришла и со стороны советского руководства, которое помнило британскую интервенцию в Закавказье и Среднюю Азию с территории Ирана. К тому времени часть иранцев, привлеченных антиимпериалистическими декларациями большевиков, а также пострадавших от упадка российско-иранской торговли, увидела союзников в лице Советской России. Так, один из создателей партии «Аксарион» («Большевики»), появившейся в Тавризе в 1918 г., позже указывал, что ее члены не знали принципов РКП(б), но понимали ее лозунг освобождения от внутреннего и иностранного гнета⁴. Военные успехи Красной армии усиливали пробольшевистские симпатии, и в феврале 1920 г. французский военный атташе Жорж Дюкрок указывал на быстрое увеличение количества «большевиков» на тегеранском базаре [8, р. 131]. Резко обострилась ситуация на окраинах страны. Так, к дженгелийскому движению, развернувшемуся в Гиляне еще в годы войны, присоединилось восстание азербайджанских демократов в Табризе (апрель 1920 г.).

Стало очевидно, что соглашение не принесло Тегерану тех выгод, на которые он претендовал, включая претензии на части Российской и Османской империй. Лондон не мог даже обеспечить защиту Тегерана из-за все возрастающей нехватки ресурсов, беспорядков и восстаний в различных частях Британской империи. Уже вскоре после окончания Первой мировой войны финансовые, военные и индийские власти стали поднимать вопрос о сокращении британского присутствия в Иране [9, р. 40–43]. Подписание соглашения лишь вызвало волну недовольства в Иране и способствовало вводу советских войск в эту страну.

Достаточно популярной в научной литературе является концепция «торга», согласно которой высадка советского десанта в Энзели 18 мая 1920 г. и последовавшие за этим события – союз с дженгелийцами и провозглашение в Иране советской республики – стали для Москвы прежде всего инструментом в советско-британских торговых переговорах, начавшихся 31 мая 1920 г. [2; 5]. Подобное предложение уже 4 июня 1920 г. поступило со стороны Л. Троцкого [2, с. 108–109]. Георгий Чicherin также вынужден был согласиться на требование Лондона положить в основу предполагаемого торгового соглашения отказ Москвы от антибританских действий на Востоке.

Однако нет подтверждений тому, что летом 1920 г. Москва приняла позицию Троцкого, а действия Чичерина можно рассматривать как дипломатический маневр. Так, 7 июня 1920 г. Чичерин сообщал Ленину, что иранская революция пошла гораздо дальше желаемого Троцким «дипломатического товарообмена» с Лондоном, и предложил лишь воздержаться от официаль-

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 90. Д. 131. Л. 3об.

ной поддержки революционеров⁵. В пользу позиции Чичерина говорили и поступавшие в Москву сообщения, где позитивные оценки ситуации – слабость шахских войск, непопулярность правительства и британцев, рост числа сторонников иранских коммунистов – перевешивали негативные⁶. В итоге Москва заняла двойную позицию в отношении Тегерана, закулисно поддерживая иранских революционеров и приняв предложения шахских властей о начале дипломатических переговоров.

Впрочем, Тегеран также стал проводить двойную политику и в отношении Москвы, и в отношении Лондона. Так, новый премьер Мошир од-Доуле (Хасан Пирния), популярный среди иранских националистов, публично дистанцировался от соглашения 1919 г., но пообещал Норману вести пропаганду в пользу соглашения, консультировался с британскими советниками и получил британское финансирование на четыре месяца под условием созыва меджлиса⁷. Кроме того, Мошир од-Доуле, учитывая иранское общественное мнение, попытался модифицировать соглашение, в частности, касательно отказа Лондона от посылки английских офицеров в иранскую армию (ст. 3 соглашения)⁸. Некоторые исследователи считают, что советская операция в Энзели привела к краху соглашения [7, р. 51], но налицо была попытка его модификации Тегераном, находившимся под давлением со стороны революционеров. Однако Норман согласился лишь на второстепенные уступки, в частности, на отказ от бессрочного характера соглашения⁹. И даже такая модификация из-за позиции Керзона могла состояться лишь после передачи соглашения на рассмотрение меджлиса.

Также, с ведома Нормана, Мошир отправил дипломатическую миссию в Москву под руководством Мошавер оль-Мамалека (Мирза Али Голи-хан Ансари)¹⁰. Однако, когда выяснилось, что миссия нацелена на обсуждение договора о дружбе – а не на переговоры о выводе войск и прекращении пропаганды, как предполагал Норман, – британский посланник выразил протест и сообщил Керзону, что большевикам будет предложено лишь заключение торгового договора, почтовой и телеграфной конвенций¹¹. Иранские власти, очевидно, дали соответствующие заверения, однако новые инструкции Мошаверу продолжали указывать на необходимость обсуждения договора о дружбе¹². Тегеран не мог игнорировать прежние щедрые советские предложения, прежде всего обращение правительства РСФСР от 26 июня 1919 г.,

⁵ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 122.

⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 110. Оп. 7. Д. 34. Л. 27–27 об; Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 04. Оп. 18. Пап. 109. Д. 50641. Л. 45–45 об.; РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 1. Д. 24. Л. 45; Ф. 495. Оп. 90. Д. 10. Л. 68–70.

⁷ British documents on foreign affairs (BDFA). Pt. 2. From the First to the Second World War. Ser. B. Turkey, Iran, and the Middle East. 1918–1939: reports and papers from the Foreign Office confidential print. Ed. R. Biddell. Frederick (Md.), 1990, vol. 16. P. 193, 198–200, 205–206, 217–218.

⁸ Ibid. P. 314.

⁹ Ibid. P. 218–219.

¹⁰ Ibid. P. 207.

¹¹ Documents on British Foreign Policy (DBFP), 1919–1943. First Series, Vol. 13. Ed. R. Butler. London, 1963. P. 574.

¹² اسناد روابط ایران و روسیه از دوره ناصر الدین شاه تا سقوط قاجاریه: ۱۳۴۴-۱۲۶۷ قمری / ۱۸۵۱-۱۹۲۵ میلادی. به کوشش فاطمه قاضیها. تهران، ۱۳۸۰. ص. ۳۴۵-۳۵۲.

по которому Москва отказалась от неравноправных отношений и предоставила Ирану огромные материальные уступки.

Параллельно Мошир при поддержке британцев развернул в Иране антибольшевистскую пропаганду и приступил к мобилизации племен против повстанцев [6, р. 209–211; 8, р. 178]¹³. В июле 1920 г. шахские войска разбили отряды революционеров в Мазандеране, а в августе–сентябре ликвидировали восстания в Хоросане и Иранском Азербайджане. Антибольшевистская пропаганда совместно с патриотическим имиджем нового премьера, злоупотреблениями и ошибками левых в Гиляне снизила привлекательность большевиков и их союзников в глазах иранского населения, и осенью 1920 г. в Москве пришли к выводу об отсутствии революционных перспектив в Иране [2, с. 111; 6, р. 208–211, 240, 252].

Вместе с тем попытки шахских войск в августе–октябре 1920 г. завоевать Гилян окончились неудачей. Правительство Мошира не учло реакцию Москвы, опасавшейся возвращения англичан в Энзели (угроза нефтепромыслам в Баку), и революционного пыла закавказских большевиков. При помощи флота и подкреплений большевики и их союзники дважды разбили шахские войска и стабилизировали линию фронта. К тому времени Мошир, не торопившийся с открытием меджлиса, перестал устраивать британцев. В итоге Норман и командующий Норперфорс Эдмунд Айронсайд добились исключения русских офицеров из шахской дивизии и передачи премьерского поста Сепахдару (Фатхолла-хан Акбар).

По мнению некоторых историков, эти действия были частью плана по установлению военной диктатуры в Иране [7, р. 55–58]. Однако Норман и Айронсайд поставили Керзона перед *fait accompli*, а Сепахдар продолжил политику Мошира в отношении соглашения, получив финансирование из частных британских источников. Но обстоятельства требовали разрешения вопроса с соглашением, которое позволило бы выделить Тегерану уже согласованный государственный заем и провести реформы. Поэтому 16 ноября 1920 г. Керзон в своей речи в Палате лордов фактически поставил ультиматум новому кабинету, указав на необходимость рассмотрения соглашения меджлисом до начала 1921 г.¹⁴ 9 декабря в Палате общин было оглашено решение кабмина вывести войска из Ирана весной 1921 г.¹⁵ Британцы надеялись, что страх перед большевиками заставит Тегеран ратифицировать соглашение [8, р. 262]. Однако Лондон в любом случае не мог сколько-нибудь долго сохранять свое военное присутствие в Иране.

Тем временем подходы Керзона и британских дипломатов (и военных) в Иране к разрешению вопроса с соглашением все более расходились. Если глава Форин-офиса настаивал на необходимости созыва меджлиса и ратификации соглашения до конца 1920 г., то Норман и Айронсайд стали пытаться де-факто реализовать его наиболее важные элементы. Так, 24 ноября 1920 г. Норман потребовал от иранского кабмина незамедлительно приступить к

¹³ BDFA. P. 215.

¹⁴ 20th Century House of Lords Hansard Sessional Papers. Vol. 42. 5th series. P.C. 289–291.

¹⁵ 20th Century House of Commons Hansard Sessional Papers. Vol. 135. 5th series. P.C. 2506.

организации нового военного формирования под контролем британских офицеров¹⁶. Но созданный Сепахдаром Верховный совет (27 ноября), учитывая общественное мнение, а также опасаясь реакции большевиков, с которыми Мошавер оль-Мамалек уже начал переговоры, отклонил требования британцев.

Уже 8 ноября 1920 г. Мошавер телеграфировал в Тегеран иранский проект договора о дружбе. Советское обращение от 26 июня 1919 г. дополнялось статьями о невмешательстве сторон во внутренние дела друг друга, об охране имущества граждан обоих государств и рядом других положений. Договор предполагалось заключить на 10-летний срок с возможностями изменения и пролонгации¹⁷. При этом еще на старте переговоров советские дипломаты увязали вывод советских войск из Ирана с выводом британских войск, а также предложили отказаться от преследований иранских коммунистов.

Правительство Сепахдара 2 декабря 1920 г. одобрило проект Мошавера, однако в отношении коммунистов согласилось лишь на амнистию [1, с. 335–336]. Несмотря на указание о необходимости предварительного вывода советских войск, Мошавер продолжил переговоры. Уже 6 декабря Чичерин отправил в ЦК РКП(б) основные положения договора, которые учитывали некоторые предложения иранской стороны, в частности необходимость разрешения вопроса с национализированными товарами иранских граждан. Советские дипломаты дополнили проект статьями о предоставлении Москве права на южно-каспийские рыбные промыслы, о необходимости урегулирования вопроса с пользованием и управлением портом Энзели. С целью развития революционного движения в Индии, советская сторона добивалась свободы пропаганды и агитации в Иране для иностранных политических партий, а также внесла статью о праве ввода советских войск в Иран в случае продвижения англичан к советским границам¹⁸.

Переговоры в Москве омрачались вышеупомянутыми действиями англичан в Иране. Так, после получения известий о смене кабинетов советские дипломаты временно приостановили переговоры, а после новости о созыве Верховного совета предупредили Мошавера о возможных территориальных потерях Ирана [Там же, с. 368]. В большевистском руководстве также были несогласные с курсом на признание шахского правительства, прежде всего в Баку и в Кабюро. Коминтерн до осени 1921 г. не отказывался от наступательной тактики в Иране. Находившаяся в Гиляне Персидская красная армия, подчиненная XI армии и укомплектованная прежде всего военными из АзССР и РСФСР, с учетом вспомогательного персонала насчитывала в феврале 1921 г. 7279 человек, а в середине мая – 7092 человек при 110 пулеметах, 19 легких и 6 тяжелых орудий и, учитывая иранские реалии, являлась весомым инструментом давления на Тегеран¹⁹.

¹⁶ BDFA. Р. 257–258.

¹⁷ Ibid. Р. 330–331.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 125–126.

¹⁹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 544. Л. 36–36 об.; Ф. 226. Оп. 1, Д. 45. Л. 223–224.

Большевистское руководство доработало проект договора, усилив безопасность советских границ в Каспийском регионе. В секретной части договора Москва, помимо права ввода войск, потребовала себе право вмешательства в выбор Тегераном морских должностных лиц и право временной защиты советскими войсками порта Энзели. Договор становился бессрочным и должен был вступить в силу сразу после подписания [1, с. 336–337]²⁰.

Сепахдар, учитывая непростую ситуацию, также нарушил свои инструкции и в начале января 1921 г. созвал Верховный совет, рассмотревший проект договора. Иранская сторона отказалась от наличия секретной части, перенеся большинство ее статей в основную часть договора. Были отвергнуты лишь статьи о защите порта Энзели и о свободе распространения социалистических идей и создания профсоюзов. Тегеран изменил статью о рыбной концессии, решив передать ее смешанной компании из представителей обоих государств, и связал возможность ввода советских войск с необходимостью предварительного выдвижения ультиматума. Также он потребовал возмещения убытков, причиненных советскими войсками в Гиляне [3, с. 62–64]. Москва, в свою очередь, не приняла формулировки о создании смешанной рыбной компании и о возмещении убытков, и договор фактически был готов к подписанию. Но камнем преткновения оставалось требование предварительного вывода советских войск.

Правительство Сепахдара информировало Лондон о ходе советско-иранских переговоров, и последний более не пытался им помешать. Гарантия Сепахдара того, что британские войска, в случае вывода советских войск, не двинутся на север Ирана, была согласована с Норманом [1, с. 335]²¹. Керзон был готов дать Тегерану обязательство об отсутствии у Лондона агрессивных замыслов против Москвы, которые вовлекают в себя Иран²². Однако Керзон отверг советское предложение о формировании трехсторонней комиссии по выводу иностранных войск из Ирана и вместо этого безуспешно попытался увязать вывод советских войск с заключением советско-английского торгового соглашения [9, р. 120–121]. В результате британские дипломаты, как и иранские правящие круги, оказались в ситуации неопределенности. В подобной обстановке в Иране стала вызревать идея назначения на пост премьера сильного лидера, что привело к *coup d'état* 21 февраля 1921 г.

Приход к власти кабинета во главе с Сеид Зия эд-Дином не помешал подписанию советско-иранского договора 26 февраля 1921 г. Исследователи обычно подразумевают, что Мошавер оль-Мамалек, явившийся сторонником заключения договора с Москвой, имел соответствующие полномочия. Однако О. Баст подчеркивает, что правительство Сепахдара вплоть до своего свержения настаивало на предварительном выводе советских войск [5, р. 284–285]. Более того, телеграмма Сеид Зия Мошаверу свидетельствует, что новый премьер узнал о подписании советско-договора из французских источников (т. е. был поставлен перед *fait accompli*) [1, с. 377; 5, р. 285–286].

²⁰ BDFA. Р. 346–347.

²¹ DBFP. Р. 645–646.

²² BDFA. Р. 291.

Но если Мошавер и превысил имевшиеся полномочия, то Сеид Зия в сложившихся условиях мог лишь уступить.

Новый премьер публично отказался от соглашения 1919 г. (согласовав этот шаг с Норманом), но его шаги, в частности решение о формировании в Казвине войск под командованием британских офицеров, осуществлялись в русле попыток Нормана и Айронсайда де-факто реализовать его наиболее важные пункты²³. Однако аннулирование соглашения отменило связанные с ним британские финансовые обязательства, а британским офицерам было разрешено поступать на иранскую службу только на свой страх и риск и на иранское содержание²⁴. Просьбы премьера (и шаха) задержать вывод англо-индийских войск также не были удовлетворены²⁵. Последовавшая отставка Сеид Зия поставила точку в эпопее с соглашением 1919 г.

Падение кабинета Сеида и вывод англо-индийских войск успокоили Москву, которая летом 1921 г. эвакуировала советские войска из Гиляна. Новое правительство во главе с Кавам ос-Салтане (Ахмад Кавам) в июне 1921 г. открыло меджлис, который в декабре того же года ратифицировал советско-иранский договор.

Договор, хотя и несколько ограничил суверенитет Ирана, но настолько выходил за рамки внешнеполитических практик великих держав того времени, что Норман заподозрил Москву в недобросовестности (посчитав ее предложения слишком благоприятными для Ирана)²⁶. В данном контексте договор должен был стать, по мнению Чичерина, «блестящим орудием [советской] агитации» и привлечь симпатии иранской (и восточной) общественности, что было особенно важно в контексте борьбы с британским влиянием на Востоке²⁷.

Часть союзников большевиков в Иране неоднозначно восприняла подписание договора, особенно те иранские революционеры, которые были обречены на поражение без советской поддержки. То же самое можно сказать и о советско-английском торговом соглашении, заключенном 16 марта 1921 г. В связи с этим некоторые исследователи обвиняют большевистское руководство в оппортунизме [4, с. 98–100]. Другие считают, что Москва молчаливо признала возвращение к ситуации, аналогичной англо-русскому соглашению 1907 г., а мировая революция при этом превращалась в простой инструмент советской внешней политики [6, р. 280–281, 294–295].

Внешнеполитическая ситуация, прежде всего неудачи послевоенных революционных выступлений в Европе, стимулировала Москву адаптировать свои цели и установки к существовавшим условиям. Вместе с тем в ходе англо-советских переговоров Чичерин резко выступил против попыток Лондона ограничить революционную активность Коминтерна на Востоке путем имплементации в преамбулу торгового соглашения обязательства Москвы удерживать своих граждан от враждебных британцам действий и антибри-

²³ BDFA. Р. 336.

²⁴ DBFP. Р. 742–743, 746.

²⁵ Ibid. Р. 732, 737–739.

²⁶ BDFA. Р. 288.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 127.

танской пропаганды, особенно в Иране и ряде других стран и регионов²⁸. В итоге в торговом соглашении стороны отказались от взаимных враждебных действий и пропаганды за пределами собственных территорий (только) на государственном уровне, особо выделив лишь Индию, Афганистан и части бывшей Российской империи. Однако и такие уступки не помешали, например, советским дипломатам Ф. А. Ротштейну и Б. З. Шумяцкому развивать в Иране антибританскую пропаганду.

Чичерин аргументировал необходимость ликвидации республики в Гиляне важностью поддержки широких масс иранских буржуазных демократов, а затем, учитывая опыт Конституционной революции (1905–1911 г.), направлял Ротштейна на сотрудничество с базаром (купцы, ремесленники), левыми революционными элементами, религиозными меньшинствами и племенами²⁹. Позже совместные действия НКИД и Коминтерна привели к созданию в Иране так называемого Национального блока.

Британская дипломатия и лично Керзон переоценили имевшиеся ресурсы и недооценили потенциальное противодействие реализации соглашения 1919 г. Попытка его модификации не состоялась из-за позиции британской дипломатии, а стремление британских дипломатов и военных на местах де-факто осуществить наиболее важные положения соглашения также оказались неудачны из-за ресурсных ограничений и внешнего противодействия. Для Москвы отказ от революционирования Ирана и заключение договора с Тегераном стали сочетанием советских *raisons d'état* и новой революционной тактики.

Список литературы

1. *Байат К.* Туфан бär фäраз-е гäффäз: нäгäн-е бö монасбат-е мäнтäгä-ье иран vä джомñуриха-ье азäрбайджан, äрмäнэстан vä горджестан дäр доýрэ-ье näхост-е эстэглал 1917–1921 [= Буря над Кавказом: Взгляд на региональные отношения Ирана с республиками Азербайджан, Армения и Грузия во время первой независимости 1917–1921 годов]. Тэhrан: Märkäz-е чап vä энтэшарат вэзäрät-е омур-е харэдже, 1380/2001. 458 с.
2. *Генис В. Л.* Красный шантаж: Советская революция в Персии или дипломатический товарообмен? // Родина. 2001. № 5. С. 107–111.
3. *Макки Х.* Тарих-е бист сале-ье иран [Двадцатилетняя история Ирана]. Джелд-е 1. Тэhrан: Кетабфоруши-ье мохаммадали элми, 1323/1945. 370 с.
4. *Равасани Ш.* Нéхзät-е джäнгäл: зäминеña-ье эджтэмäи [Дженгелийское движение: социальные основания]. Тэhrан: Дäфтäр-е пэжунéшña-ье фäрhängi, 1381/2002. 120 с.
5. *Bast O.* Duping the British and Outwitting the Russians?: Iran's Foreign Policy, the 'Bolshevik Threat', and the Genesis of the Soviet-Iranian Treaty of 1921 // Iran-Russian Encounters: Empires and revolutions since 1800 / ed. S. Cronin. London: Rutledge, 2013. P. 261–297.
6. *Chaqeri C.* The Soviet Socialist Republic of Iran, 1920–1921: Birth of the Trauma. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 1995. 649 p.
7. *Majd M. G.* Great Britain & Reza Shah: The Plunder of Iran, 1921–1941. Gainesville, FL: University Press of Florida, 2001. 429 p.
8. *Richard Y.* (ed.). Regards Français sur le Coup d'Etat de 1921 en Perse: Journaux Personnels de Georges Ducrocq et Hélène Hoppenot. Leiden: Brill, 2015. 698 p.
9. *Sabahi H.* British policy in Persia, 1918–1925. London: Cass, 1990. 269 p.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2055. Л. 29–30, 36–37.

²⁹ АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 110. Д. 50653. Л. 5–6, 12–17; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2113. Л. 4.

10. Yeselson A. United States – Persian Diplomatic Relations, 1883–1921. New Brunswick : Rutgers University Press, 1956. 252 p.

References

1. Bayat K. *Tufān bar farāz-e ghafghāz: Negāhi be monāsebāt-e mantaghe-ye ‘irān va jomhuriha-ye ăzarbāyjān, armanestān va gorjestān dar dore-ye nakhost-e esteghlāl 1917-1921* [The Storm over the Caucasus: A Look at Iran's Regional Relations with the Republics of Azerbaijan, Armenia and Georgia during the First Independence of 1917-1921]. Tehran, Markaz-e chāp va enteshārāt vezārat-e omur-e khāreje Publ., 1380/2001, 458 p. (in Farsi)
2. Genis V.L. Krasnyy shantazh: Sovetskaya revolyutsiya v Persii ili diplomaticheskii tovaroobmen? [Red Blackmail: The Soviet Revolution in Persia or Diplomatic Barter?] *Rodina* [Homeland], 2001, no. 5, pp. 107-111. (in Russian)
3. Makki H. *Tārikh-e bist sale-ye ‘irān* [The Twenty-Year History of Iran]. Jeld-e 1. Tehran, Ketābforushi-ye mohammadali elmi Publ., 1323/1945, 370 p. (in Farsi)
4. Ravasani Sh. *Nehzat-e jangal: zaminehā-ye ejtemā‘i* [The Jangal Movement: Social Foundations]. Tehran, Daftar-e pazhooheshha-ye farhangi Publ., 1381/2002, 120 p. (in Farsi)
5. Bast O. Duping the British and Outwitting the Russians?: Iran's Foreign Policy, the 'Bolshevik Threat', and the Genesis of the Soviet-Iranian Treaty of 1921. *Iran-Russian Encounters: Empires and revolutions since 1800*. Ed. S. Cronin. London, Rutledge Publ., 2013, pp. 261-297.
6. Chaqueri C. *The Soviet Socialist Republic of Iran, 1920-1921: Birth of the Trauma*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press Publ., 1995, 649 p.
7. Majd M.G. *Great Britain & Reza Shah: The Plunder of Iran, 1921-1941*. Gainesville, University Press of Florida Publ., 2001, 429 p.
8. Richard Y. (ed.). *Regards Français sur le Coup d'État de 1921 en Perse: Journaux Personnels de Georges Ducrocq et Hélène Hoppenot*. Leiden, Brill Publ., 2015, 698 p.
9. Sabahi H. *British policy in Persia, 1918-1925*. London, Cass Publ., 1990, 269 p.
10. Yeselson A. *United States – Persian Diplomatic Relations, 1883-1921*. New Brunswick, Rutgers University Press Publ., 1956, 252 p.

Сведения об авторе

Дёмин Юрий Александрович
кандидат исторических наук, доцент,
Педагогический институт
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
старший научный сотрудник, доцент,
Институт классического Востока и
Античности
Высшая школа экономики
Россия, 105066, г. Москва, ул. Старая
Басманная, 21/4, стр. 3
e-mail: yademin1980@yandex.ru

Information about the author

Demin Iurii Alexandrovich
Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Pedagogical Institute
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664009, Russian
Federation
Senior Research Scientist, Associate Professor,
Institute for Oriental and Classical Studies
Higher School of Economics
build. 3, 21/4, Staraya Basmannaya st., Moscow,
105066, Russian Federation
e-mail: yademin1980@yandex.ru